

VALUE CONTENT OF THE COMPLEX OF MOTIVES OF DAWN AND DUSK IN YA. POLONSKY'S LYRICS

Fedoseeva Tatiana Vasilyevna^{1*}

Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin,
Ryazan, Russia.

(date of receiving June, 2022; date of acceptance: August, 2022)

Abstract

The lyrical works of Ya. Polonsky, thematically related to the motives of the morning and evening dawn, are analyzed using a value approach. The works of the early, mature and late periods of the poet's creativity are involved in the study. In the course of comparative consideration of the selected group of texts, semantic and value oppositions structuring the picture of the world depicted by the author are determined. It is established that the motivic complex of the morning and evening dawn acquires value content in the poetic world of the author. The dynamics of the author's value attitudes is determined. In the early lyrics, life values are reduced to romantic unity: "youth–freedom–love–joy–light". A mature poet is looking for spiritual meanings of being. The morning and evening dawn serve to express a sense of disappointment in society (daylight fading) and hope for its liberation from false values (enlightenment). In the poems of late lyricism, the Motives of Dawn and Dusk include the value of the spiritual renewal of humanity in the gospel sense.

Keywords: Ya. Polonsky, Lyrics, The Complex of Motives of Dawn and Dusk, Semantics, Functioning, Value Meanings.

1. E-mail: t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru; ORCID ID: 0000-0002-5540-5051 * Corresponding author

ЦЕННОСТНОЕ НАПОЛНЕНИЕ МОТИВНОГО КОМПЛЕКСА ЗАРИ В ЛИРИКЕ Я. П. ПОЛОНСКОГО

Федосеева Татьяна Васильевна^{1*}

Профессор, Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина,
Рязань, Россия.

(дата получения: июнь 2022г.; 2022; дата принятия: август 2022г.)

Аннотация

Лирические произведения Я. П. Полонского, тематически связанные с мотивами утренней и вечерней зари, анализируются с применением ценностного подхода. К исследованию привлечены сочинения раннего, зрелого и позднего периодов творчества поэта. В ходе сопоставительного рассмотрения избранной группы текстов определены семантико-ценностные оппозиции, структурирующие изображенную автором картину мира. Установлено, что мотивный комплекс утренней и вечерней зари приобретает в поэтическом мире автора ценностное содержание. Определена динамика ценностных установок автора. В ранней лирике жизненные ценности сводятся к романтическому единству: «молодость–свобода–любовь–радость–свет». Зрелый поэт ищет духовных смыслов бытия. Утренняя и вечерняя заря служат выражению чувства разочарованности в обществе (угасание дневного света) и надежды на его освобождение от ложных ценностей (озарение). В стихотворениях поздней лирики мотивный комплекс зари включает в себя ценность духовного обновления человечества в евангельском смысле.

Ключевые слова: Я. П. Полонский, Лирика, Мотивный Комплекс Зари, Семантика, Функционирование, Ценностные Смыслы.

1. E-mail: t.fedosееva@365.rsu.edu.ru; ORCID ID: 0000-0002-5540-5051* Ответственный автор
УДК 821.161.1

Введение

Ценностный подход, все более активно применяемый к объекту изучения в современном литературоведении, позволяет совместить отношение к нему как эстетической ценности с выходом в мир принятых автором жизненных ценностей высшего порядка: духовных, социальных, морально-этических. Мотивный анализ является одним из инструментов, позволяющих выйти в интерпретации авторского сознания к широкому полю культурных смыслов. Определяющую роль в такого рода исследовании А. К. Жолковский и Ю. К. Щеглов отводят устойчивым мотивам, называя их «инвариантными темами», с функционированием которых связано выражение авторского «угла зрения» (Жолковский, Щеглов 1996. 19). И. В. Силантьев уточняет функции мотивных комплексов в лирике, отмечая, во-первых, их конструирующую роль – «лирические мотивы легко и органично образуют комплексы», во-вторых, – содержательную, действуют «в одном поле лирического переживания» (Силантьев 2012. 111). Из трудов новосибирской школы исторической поэтики проистекает вывод о концентрации и сохранении в мотивных инвариантах авторского творчества универсальных ценностных смыслов отечественной культуры (Сюжетно-мотивные комплексы... 2012. 8). Дефиниция «мотивный комплекс» (как вариант – «система мотивов») в настоящее время находит широкое применение в исследовательской практике и служит уточнению знания о художественном мире автора.

Целью нашего исследования является определение ценностно-семантических акцентов, привнесенных мотивным комплексом зари в художественный мир лирики Я. П. Полонского. Посредством аксиологического анализа мир автора включается в контекст национальной культуры и литературной традиции, что позволяет установить динамику постижения лирическим субъектом духовных смыслов бытия.

Пейзажная лирика Я. П. Полонского с точки зрения развернутого из мотивного комплекса зари художественного изображения ранее объектом отдельного исследования не становилась. Одна из немногих её характеристик была дана М. Н. Эпштейном, отметившим, что заря отвечает общему меланхолическому тону поэзии Полонского: «холодная, глядит сквозь промерзлое стекло, всходит под тучами...» (Эпштейн 1990. 229). Лишь в недавнее время исследователи стали рассматривать пейзажную лирику Полонского в мировоззренчески-ценностном аспекте. Так, И. Г. Вьюшкова и М. А. Понятая отметили в ней лермонтовский прием соединения «мира земного и мира небесного» (Вьюшкова 2012. 15). Нельзя не сказать, в связи с этим, что наследование Полонским романтической традиции в ранний период творчества несомненно и очевидно, тогда как зрелая и поздняя его лирика тяготеет к поэтике символизма.

К исследованию нами привлечены лирические произведения Я. П. Полонского, написанные им в разные годы. Опираясь на описанную Л. Ю. Фуксоном методику, мы определяем ценностные оппозиции, структурирующие художественный мир в произведениях раннего, зрелого и позднего периодов творчества поэта, что позволит уточнить, через «символические подтексты» представление о динамике ценностных ориентиров автора (Фуксон 2008. 292).

Основная часть

1. Эмоционально-ценностные оппозиции в ранней лирике: «покой / движение», «стесненность / простор», «временное / вечное»

Общеизвестно, что символика зари восходит к традиционной народной культуре и развивается в библейских текстах. Если в фольклорно-мифологической образной системе славянских народов утро и вечер выражают диалектическое противоречие между светом и тьмой, то в Библии смена

времени дня символизирует поддержание установленного Богом в земной жизни распорядка. Известно, что творческое сознание Полонского складывалось под влиянием традиционной народной культуры (значительная часть его детских и отроческих лет прошла в патриархальной обстановке дворянской усадьбы его бабушки А. Б. Кафтыревой). Судя по воспоминаниям поэта, в быту его семьи с православной обрядностью совмещались формы дохристианской славянской культуры, следствие чего мы видим и в изображенном мире его лирических произведений.

В лирических сборниках «Гаммы» (1844) и «Стихотворения 1845 года» (1846) обнаруживаются тексты с развернутыми из мотива зари пейзажными зарисовками, выполненными в русле совмещения мифопоэтики с элементами библейских текстов. Это стихотворения: «Вечер» (1843), «Прогулка верхом» (1844), «Утро» (1845), «Ах, как у нас хорошо на балконе, мой милый! смотри...» (1845).

В стихотворении «Вечер» из мотива зари развернуто описание природы. Действие зари в нем отвечает мифопоэтической традиции, оно животворно для природы: «Росы освежительной капли...». Наблюдая картину нисходящего на землю покоя, человек приходит к умиротворению страстей, совсем не случайно в стихотворении упоминание о заснувшем ребенке: «Качается белая пена / У серого камня, как в люльке / Заснувший ребёнок» (Полонский 1844. 43).

Пейзажную зарисовку, образительно и эмоционально близкую этой, содержит текст лирической миниатюры 1845 года:

Ах, как у нас хорошо на балконе, мой милый! смотри –
Озеро светит внизу, отражая сиянье зари;
Белый там нежится лебедь, в объятьях стихии родной,
И не расстанется с ней, как и ты, друг мой милый, со мной...

Сколько ты мне ни толкуй, что родная стихия твоя –

Мир, а не жаркое солнце, не грудь молодая моя!

(Полонский 1896. Т. 1. 61).

Композиция этого стихотворения выстроена по типу образного параллелизма, с едва намеченной оппозицией «покой / движение». В нем лирический монолог позволяет не просто сопоставить состояние природы и человека, но, в определенной степени, противопоставить их. Состояние природы спокойно-гармонично и выражено в слиянии небесного света с водной гладью озера. Символически воплощённого в образе «белого лебедя», который «нежится» «в объятых стихии родной». Ближе к финалу стихотворения на первый план выходит тема разъединенности людей в отношениях, вследствие чего нарастает эмоциональная напряженность состояния лирического субъекта. Герой созерцателен и устремлен к покою – «миру», героиня импульсивна и требует его подчинения своей воле. Так, абсолютная гармония покоя в мире природы оттеняется мотивом несовпадения стремлений людей, даже если их объединяет взаимное чувство.

Изобразительные детали двух пейзажных зарисовок раннего Я. П. Полонского позволяют говорить о наследовании им элегической традиции романтизма. Живописание природы в произведениях жанра условно и избирательно, лирического героя привлекает едва заметная динамика смены дня и ночи, открытая особо тонко чувствующему мир человеку. Очевидна, в частности, стилистическая родственность описательных характеристик в стихотворении В. А. Жуковского «Славянка» и рассмотренных выше текстах Полонского. В них привлекают внимание детали смены дня и ночи. У Жуковского: заря «верхи поблѣкые и корни золотит», «На сумраке листок трепещущий блестит / Смущая тишину паденьем», «Там лебедь, притаясь у берега в кустах, / Недвижим в сумраке сияет». У Полонского – беззвучно

«рассыпаются» искры заката, море «сквозит», капли росы «повисли», пламя зари «трепещет». Для героя каждого из стихотворений важны оттенки состояния природы, в том числе и наступление тишины и благодатного покоя.

Одно из проявлений свойственного произведениям романтиков драматизма мы видим в противостоянии спокойной самодостаточности природы беспокойному духу человеческих стремлений. В лирике Полонского несовершенный мир людей, как правило, контрастирует гармоничности отношений в природе. Именно на таком контрасте построены стихотворения «Утро» и «Прогулка верхом», двухчастная композиция которых обусловлена приемом образного параллелизма.

В стихотворении «Утро» из мотива зари разворачивается динамичная и красочная картина рождения нового дня, с утверждением абсолютной бесконфликтности и беспечной свободы: «Ни единой тучки / На лазурном небе! / Ни единой мысли / О насущном хлебе!» (Полонский 1846. 69). Радостное пробуждение природы омрачено размышлением лирического героя о собственной обреченности на многие жизненные скорби. Контраст безмятежного покоя природы и смятенного состояния человеческого духа проявлен и в стихотворении Полонского «Прогулка верхом». В нем описанию суеты городского пейзажа противопоставлен покой в природе.

В первой части текста представлена картина шумного южного города. Бытовые сценки, определенные одной-двумя изобразительными деталями, стремительно сменяют друг друга, порождая сложные эмоции лирического героя. Знаки, свидетельствующие о несовершенстве физических форм жизни в социуме, определяют напряженность душевного состояния героя, которое разрешается под влиянием причудливого загородного пейзажа.

Стилистически и интонационно стихотворение Полонского близко пушкинской традиции. В нем говорная интонация формируется метрически – применен вольный ямб, а также средствами ритмико-синтаксических

переносов. Ту же роль выполняет нестрофическая организация текста, создающая иллюзию развернутого устного монолога. Заслуживают внимания и отдельные приемы поэтической образности речи – в тексте отмечается преобладание книжной лексики и насыщенность изобразительными эпитетами, придающими изысканную живописность пейзажу:

Над головою облака
Плывут, сплываются – слегка
Их тронул пурпур золотистой
Авроры вечной; а вдали
На севере, из-под земли,
Встают и тянутся волнистой
Грядой вершины синих гор
И серебрятся... (Литературный вечер... 1844. 270).

В этом фрагменте мы видим аллюзию на окончание второй импровизации итальянца в «Египетских ночах» А. С. Пушкина со строками: «Но только утренней порфирой / Аврора вечная блеснет...». При этом функционально упоминание «Авроры вечной» разнится: у Пушкина этот пассаж, включенный в монолог Клеопатры, отвечает общему историческому колориту и служит созданию антропоморфного образа богини зари, в то время как у Полонского оно лишь добавляет краски в живописную картину природы и подчеркивает динамику вечернего пейзажа.

Нельзя не заметить, что в финальной части стихотворения Полонским применен характерный для пушкинской лирики прием гармонизирующего воздействия природы на душевное состояние лирического героя.

Итак, пейзаж в ранних стихотворениях Я. П. Полонского, вовлечен в напряженную душевную жизнь лирического субъекта и служит выражению оппозиционных смыслов: «движение / покой», «стесненность / простор»,

«временное / вечное». Описательные детали: сияние, зарево, пламень, искры, лазурь – сопровождают смену дня и ночи и служат созданию образа идеалистически настроенного лирического героя.

2. Ценностные оппозиции: «добро / зло», «угроза / спасение», «прошлое / новый день»

В ряде стихотворений зрелого Я. П. Полонского мотивный комплекс зари получает символическое значение и выражает идею противостояния животворящей силы солнечного света и деструктивности тьмы.

Стихотворение «Песня» (1859) наиболее близко устно-поэтической традиции, в нем автор явно следует жанровой характерности народной лирической песни. Отметим, прежде всего, метрико-мелодический уровень речевого оформления. К тексту применен трехстопный хорей, редкий для русской поэзии размер, семантический ореол которого, по наблюдениям М. Л. Гаспарова, в долермонтовской и лермонтовской романтической стилистике связан с мотивами вечера, пути, смерти, родины, детства и юности и служит воссозданию бытовой обстановки и описанию природы (Гаспаров 1976. 359–260). И у Полонского сюжет разворачивается из мотивов разлуки, измены, препятствия в любви. Героиня находится в тревожном ожидании возвращения любимого и, услышав звучащий вдали звон дорожного колокольчика, среди ночи покидает дом. Однако ночь сыграла с героиней Полонского злую шутку – надежда на встречу с любимым не оправдалась, а развязка сюжета о разлуке происходит на утренней заре: «Зорька выплывает – / Заревом играет». Восход солнца возвращает запутавшейся героине ясную жизненную перспективу: «Я через куртину / Проберусь в долину... / Я лицо умою / Водой ключевою... / Вон и домик виден / На горе высокой...» (Полонский 1896. Т. 1. 308].

Ценностно мотив утренней зари в «Песне» Полонского, несомненно, связан с народным ее почитанием: «Заря-заряница, красная девица», как считалось, встречает Солнце утром и провожает его в подземный мир вечером. А. Н.

Афанасьев утверждал, что в мифологии славян Заря (Зоря) не только сопровождала Солнце, но противостояла злу и порождала добро: «Как утренние солнечные лучи прогоняют нечистую силу мрака, ночи; так верили, что богиня Зоря может прогнать всякое зло ... ей приписывается и та творческая, плодородящая сила, которая разливается на природу восходящим солнцем» (Афанасьев 1995. 45–46). Очевидно, что функционально мотив зари в «Песне» Полонского ценностно связывает его сюжет с народными представлениями о силе солнечного света, направляющего человека к преодолению разрушительной власти тьмы и созиданию.

Иной состав и иное образное развертывание мотива зари отмечается в стихотворениях Я. П. Полонского, изображенный мир которых символически связан с рефлексией лирического героя по поводу неблагоприятных для внутренней жизни человека внешних обстоятельств. Мотивно-образный мир стихотворений: «Уже над ельником из-за вершин колючих...» (1844) и «Аллегория» (1876), с одной стороны, включает иносказательность, восходящую к фольклорно-мифологической традиции, а с другой, насыщен индивидуальными авторскими представлениями о диалектике добра и зла.

В другом стихотворении лирический герой Полонского изображен пробирающимся в легком челноке, по извилистой реке:

Уже над ельником из-за вершин колючих
Сияло золото вечерних облаков, –
Когда я рвал веслом густую сеть пловучих
Болотных трав и водяных цветов (Полонский 1844. 51).

В композиции произведения пейзажная зарисовка предшествует рефлексии лирического героя, остро переживающего опасность для собственного душевного покоя, исходящую от внешнего мира: «Но грудь моя тоской невольною сжималась...». Показательно, что чувство защищенности героя и

его спутнице от «злобы» «черни светской» дает пребывание в челноке. Мотив такого уединения привлекает в контекст произведения библейские сюжеты о спасении на водах: о ветхозаветном праведном Ное и его семье во время Всемирного потопа (Быт. 8) и о новозаветном – скрывающемся от враждебной Ему толпы Иисусе (Мк. 3:9, 4:1). Аллюзия поддерживается конкретизацией двух различных жизненных идеалов: «прекрасный мир» героини сосредоточен в земной области, она мечтает «о свободе», «о братстве», «о любви», тогда как в «мире» героя «... райские потоки / Живей воды отверстыми текут» и «вдохновенные благовестят пророки» (Полонский 1844. 52). Оппозиция двух сознаний, хотя и выражена, но не очевидна – герой и героиня объединены неприятием бездуховного существования.

В контексте сюжета спасения на воде мотив вечерней зари служит разворачиванию ценностного значения образно-тематического ряда из практической сферы жизни в духовную. Не случайно В. С. Соловьев, младший современник и первый биограф Я. П. Полонского, остановил свое внимание на образе героини стихотворения, в котором увидел воплощение поэтического вдохновения автора: «Голова его музы сияет золотистым отражением небесного света; и в ее голосе смешиваются тайные слезы переживаемого горя с пророческою сладостью лучших надежд ...» (Соловьев 1990. 160). Из внешней неустроенности человеческих отношений герой Полонского уходит в область духовных приоритетов, а мотив зари включается в одну из устойчивых для лирического наследия поэта тем – просветляющей жизнь одухотворенной мечты.

В этом и других своих стихотворениях Полонский выводит в качестве лирического героя идеалиста, одинокого и отрешенного от сиюминутных жизненных проблем. Его судьбу предстает неизменно привлекательной, хотя и драматичной – идеал не претворяется в жизнь, но сохраняет свою значимость в качестве высокой, пусть и запредельно далекой, перспективы

(Сумасшедший, 1859; Одному из усталых, 1862; Мечтатель. Юноша 30-х годов XIX века, 1894, и др.).

Изображенный мир стихотворения «Аллегория» тоже тематически связан с мотивом зари. В нем уподобление жизненного пути езде в телеге представляет авторскую интерпретацию хорошо разработанного к тому времени лирического сюжета о совпадении жизненного цикла человека с природным. Очевидно, замыслу произведения послужило пушкинское стихотворение «Телега жизни» (1823) и желание вступить в диалог с глубоко почитаемым предшественником в поэзии.

Стихотворение А. С. Пушкина, как свидетельствуют многие исследователи его творчества, написано в период духовного кризиса, вызванного разочарованием в вольнолюбивых устремлениях противостояния власти. У Пушкина седок, лихо скакавший и понукавший возницу на заре жизни, «под вечер» утрачивает былую «отвагу» и дремлет, в ожидании ночлега. Жизнь человека замыкается неизбежным окончанием природного цикла: юность соответствует утренней заре, зрелость – полуденному времени, вечер – старости и ночь – смерти. Полонский, отталкиваясь от завершающего стихотворение Пушкина мотива «ночлега» как метафоры смерти, сопровождает описание езды «во мраке ночи» огоньком, который дает путнику надежду на иную будущность.

Лирический герой Полонского не готов смириться с общей участью, в приближении «ночлега» его беспокойный дух обуян желанием нового стремительного подъема чувств:

А ну, как я, презрев покой,
Не захочу, не лягу спать,
И крикну: живо, хрыч седой!
Вели мне лошадей менять!.. (Полонский 1896. Т. 2. 342).

Если ночь в привычной логике мифологемы жизни – это смерть, то стихотворение «Аллегория» явной ей противоречит. Автор переводит сюжет о земном пути человека в духовно-религиозную область.

Нельзя не заметить, что изображение зари в рассмотренных выше стихотворениях Я. П. Полонского говорит об усвоении им фольклорно-мифологической традиции, прежде всего, в отношении к символическому наполнению образа, тогда как на образно-тематическом и сюжетном уровнях оно индивидуально. В отношении речевого оформления тексты Полонского отстоят от устно-поэтической стилистики и тяготеют к литературной. В славянском фольклоре, по наблюдениям специалистов, очень широк спектр метафоризации изображения утренней и вечерней зари, прежде всего, по типу овеществления: растение / цветок; драгоценные камни; ткань / изделие из ткани; металл / изделие из металла, но также по типу одушевления: животное / птица / рыба; человек; мифическое существо (Коницкая, Ясюнайте 2016. 188). У Полонского мы встречаемся чаще с типом метафорического переноса свойств, признаков и состояний. В образной реализации мотивов зари у него преобладает перенос действия – в сравнении восходящего или заходящего солнца с горящим пламенем: «На востоке солнце, / Разгораясь, блещет», «Зари догорающей пламя», «Луч зари с лазурью / На волнах трепещет», «Озеро светит внизу, отражая сиянье зари» – и вовсе не встречаются зоо- и антропоморфизмы.

Воссоздаваемая Полонским образная картина мира указывает на философский уровень понимания им бытия, связанного с природным ритмом, но не ограниченного физическим существованием человека.

3. Духовно-нравственные оппозиции: «сон / пробуждение», «практический ум / духовное знание»

В творчестве зрелого и позднего Я. П. Полонского мотивный комплекс зари служит развёртыванию темы духовного обновления мира. Остановимся

на трех его произведениях: лирическом цикле «Сны» (1865–1860) и двух стихотворениях – «Откуда?!» (1870) и «Проходите толпою, трусливо блуждающей...» (1886). Их написание связано с теми впечатлениями, которые поэт получил, вращаясь в столичном обществе. Отражение этих впечатлений содержат его письма, в частности, в 1876 году обращенное к Ф. М. Достоевскому суждение о распространении вокруг «духа розни и нравственного распада» (Из архива Достоевского 1923. 75).

Обстановка «розни и нравственного распада» образно воссоздана Полонским в произведениях лирического цикла «Сны». Изображенный в них мир построен на трансформации в сознании героя физических форм внешней жизни. Его сознание находится между сном и явью, а кризисное состояние вызвано жизненными впечатлениями, когда «язык лепечет без мысли» и «сердце болит без любви». Лирический сюжет развивается с привлечением мотивов сумасшествия, тюрьмы, ночи. В заключительном стихотворении цикла «Тишь и мрак» одиночество героя становится полным, тишина – абсолютно безответной, а мрак – «могильным» – из мотива «жизнь-сон» разворачивается апокалиптическая картина и в ней получает разрешение лирический сюжет произведений цикла (Федосеева 2019. 71–76).

Томление души лирического героя прекращается с наступлением утра. Очнувшись от состояния инобытия, он открывает для себя не только новый день, но и чувство новой жизни:

О Боже мой! где я!! – сквозь щели
Затворенных ставень сквозят
Лучи золотые, то солнца
Глаза золотые глядят.
Глядят и смеются – и сердце
Очнулось – и, жизни привет

Почуя, взыграло, как будто

Впервые увидело свет... (Полонский 1896. Т. 1. 327).

Открывающая радость нового дня картина завершает собой череду мрачных видений, воплотивших угнетенное состояние души лирического героя, разочарованного в сообществе людей. Пронизанное лучами восходящего солнца пространство может быть истолковано как символический намек на обновление мира.

Тема пробуждения с зарей обновления не уходила из лирики Полонского и позднее. В стихотворении «Откуда?!» заключено размышление о заре новой жизни как о свете, несущем людям абсолютные ценности: «Свободы истинной, – любви и пониманья...» (Полонский 1896. Т. 2. 50). Текст стихотворения построен на системе риторических вопросов, содержащих размышление автора об «истинном свете». Использование в лирическом тексте специальных коммуникативных приёмов речи концентрирует внимание читателя на многогранности понятия о просвещении как облагораживающей общество силе. Каждый из вопросов позволяет выделить новую грань человеческих представлений об «истинном» свете: это монашеское подвижничество и подвиг самоотвержения ради свободы родной земли, строительство государства и преданность вере, развитие искусства и науки. В финальных строках стихотворения свет, одухотворяющий формы общественной жизни, поставлен в параллель с солнечным. Как и солнечный, он освещает все живое, но отличается не только животворящей силой, но и тем, что противостоит бездуховности и разрушает её формы: «Лишь был бы он, как солнце для природы, / Животворящ для духа и свободы / И разлагал бы всё, в чем духа больше нет...» (Там же. 51). Полонский говорит о торжестве истинного света гипотетически, сознавая, что современное общество очень далеко от идеала.

Развитие этой мысли мы находим в стихотворении «Проходите толпою, трусливо блуждающей...». В нем поэт упрекает своих современников в праздности и душевной лени:

Проходите толпою, трусливо блуждающей,
Тощий ум тощий плод принесет! (Там же. 339).

Именуя свое поколение «трусливо блуждающей толпой», поэт намекает на ветхозаветный сюжет о неверчивом израильском народе. Эта аллюзия развивается в упоминании о «манне небесной» – милости, явленной слабому народу во время его исхода из египетского рабства. Лирическое «я» стихотворения отделено волей автора от «толпы» и включено в состав некоего сообщества, оппозиционного большинству, и обозначенного местоимением «мы». Нелицеприятная характеристика поколения от лица этого сообщества довершается определением практического рассудка «бедным», а ума, сосредоточенного на «праздных затеях», – «тощим» и «грошовым». Мотив утренней зари в этом контексте становится символом духовного возрождения и лучшей участи для человечества, не в историческом, а в онтологическом смысле.

Немалый интерес, в русле нашего исследования, представляют стихи К. М. Фофанова, обратившегося в 1890 году с приветственными строками к Я. П. Полонскому в связи с выходом в свет лирической книги «Вечерний звон». В них все творчество старшего товарища по перу он прочитывает через мотив зари. Упоминается и «детство розовое» как намек на утреннюю зарю, и «снег старости» поэта, который «зарей румянится вечерней». В последней строфе стихотворения Фофанова мотивы утренней и вечерней зари объединяются в составе метафоры, уподобляющей лирическое творчество поэта церковному служению:

Молю, чтоб медлил мрак полночный
Гасить закат твоих лучей, –
Мне сладок звон твоей всеночной,
Как звон заутрени твоей!.. (Фофанов 1892. 247).

В таком прочтении ценностно-семантическое наполнение образной картины мира поэта отвечает определенному А. Н. Веселовским назначению поэзии – проникать в «тайное тайных», обнаруживать смыслы, «где-то в глухой темной области нашего сознания, как многое испытанное и пережитое, видимо, забытое и вдруг поражающее нас, как непонятное откровение, как новизна и вместе старина» (Веселовский 1989. 303). Очевидно, что для Полонского это «тайное тайных» сосредоточено в глубинах национальной культуры и народной веры.

Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в лирике Я. П. Полонского мотивный комплекс зари продуцирует ценностно-семантическое содержание, которое разворачивалось с течением времени. В 1840-х – начале 1850-х годов мотивы утра, вечера, солнца, отмеченные свойствами сияния, зарева, а также движением пламени, искр, лазури – близки по значению фольклорно-мифологической традиции, а образным воплощением связаны с идеалистическим сознанием русского человека, воспитанного в 1830-х годах романтической философией и эстетикой. В произведениях последующих лет изображение зари, включающее в себя мотивы рассвета, востока, нового дня – служит созданию ряда аллегорических образов с разворачиванием темы конечности физического существования человека и бесконечности – духовного. В поздней лирике Полонского семантика зари включает в себя евангельский сюжет духовного обновления человека и человечества, а мотив

востока прочитывается в духовном контексте Откровения Иоанна Богослова о «новом небе и новой земле». Если в ранней лирике Полонский, в жанровом и стилевом отношении, следует романтической традиции, то зрелая и поздняя его лирика отмечена рефлексией, глубоким религиозно-философским подтекстом и тенденцией к символическому прочтению архетипических и романтических топосов, что позволяет включить её в контекст русского предсимволизма 1870–1880-х годов и требует дополнительного изучения.

Литература

- 1- Афанасьев А. Н. (1995). *Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: в 3 т.* / А.Н. Афанасьев. Т. 1, Москва : Современный писатель.
- 2- Веселовский А. Н. (1989). *Историческая поэтика* / А. Н. Веселовский. Москва : Высшая школа.
- 3- Вьюшкова Ирина, Понятная Мария (2012). *Онейропоэтика пейзажной поэзии Я. П. Полонского* // Филологические науки в России и за рубежом: матер. I Междунар. науч. конф., Санкт-Петербург : Реноме, с. 12–15.
- 4- Гаспаров Михаил (1976). *Метр и смысл. К семантике русского трехстопного хорея* // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 35, № 4, Москва : Наука, с. 357–367.
- 5- Жолковский Александр, Щеглов Юрий (1996). *Работы по поэтике выразительности: Инварианты – Тема – Приемы – Текст*, Москва : АО Издательская группа «Прогресс».
- 6- *Из архива Достоевского. Письма русских писателей, ред. и вст. ст.* Н. К. Пиксанова (1923). Москва : Петроград 1923.
- 7- Коницкая Елена, Ясюнайте Бируте (2016). *Метрафоры утренней и вечерней зари в литовской и русской поэзии* // Article in Acta Baltico-Slavica, 2016, № 12, с. 186–205.
- 8- *Литературный вечер. [Сб. рассказов и стихов в память В. В. Пассека]* (1844). Москва : Тип. С. Селивановского.
- 9- Полонский Яков (1844). *Гаммы: Стихотворения Я. П. Полонского*. Москва : тип. Н. Степанова.
- 10- Полонский Яков (1896). *Полное собрание стихотворений Я. П. Полонского. Просмотренное автором: в 5 т.*, Санкт-Петербург : Издательство А. Ф. Маркса.

- 11- Полонский Яков (1846). *Ст ихот ворения 1845 года*. Одесса : типография А. Брауна.
- 12- Силантьев Игорь (2012). *Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы: монография*, Новосибирск : Академ. изд-во «Гео», с. 106–114.
- 13- Соловьев Владимир (1898). *Поэзия Я. П. Полонского // Литературная критика*, Москва : Современник, 1990, с. 155–177.
- 14- *Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы: монография* (2012). Новосибирск : Академическое издательство «Гео», 2012.
- 15- Федосеева Татьяна (2019). *Я. П. Полонский как предшественник русского символизма: поэт лирического цикла («Сны» Полонского и «Жизнь моего приятеля» Блока) // Acta Universitatis Lodzianis. Folia Litteraria Rossica*, 2019, № 12, с. 65–79.
- 16- Фофанов Константин (1892). *Тени и тайны: Ст ихот ворения Константина Фофанова*, Санкт-Петербург : Издательство М. В. Попова.
- 17- Фуксон Леонид (2008). *Ценностная структура // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий*, Москва : Intrada, с. 290–292.
- 18- Эпштейн Михаил (1990). *«Природа, мир, тайник вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии*, Москва : Высшая школа.

Bibliography

- 1- Afanas'ev A. N. (1995). *Pojeticheskie vozzrenija slavjan na prirodu: opyt sravnitel'nogo izuchenija slavjanskih predanij i verovanij v svjazi s mificheskimi skazanijami drugih rodstvennyh narodov: v 3 t.* / A.N. Afanas'ev. T. 1, Moskva : Sovremennyy pisatel'.
- 2- Veselovskij A. N. (1989). *Istoricheskaja pojetika* / A. N. Veselovskij. Moskva : Vysshaja shkola.
- 3- V'jushkova Irina, Ponjatnaja Marija (2012). *Onejropojetika pejzazhnoj poezii Ja. P. Polonskogo // Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom: mater. I Mezhdunar. nauch. konf., Sankt-Peterburg : Renome*, s. 12–15.
- 4- Gasparov Mihail (1976). *Metr i smysl. K semantike russkogo trehstopnogo horeja // Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka*. T. 35, № 4, Moskva : Nauka, s. 357–367.
- 5- Zholkovskij Aleksandr, Shheglov Jurij (1996). *Raboty po pojetike vyrazitel'nosti: Invarianty – Tema – Priemy – Tekst*, Moskva : AO Izdatel'skaja gruppa «Progress».
- 6- *Iz arhiva Dostoevskogo. Pis'ma russkih pisatelej, red. i vst. st. N. K. Piksanova* (1923). Moskva : Petrograd 1923.

- 7- Konickaja Elena, Jasjunajte Birute (2016). *Metafory utrennej i vechernej zari v litovskoj i ruskoj poezii* // Article in Acta Baltico-Slavica, 2016, № 12, s. 186–205.
- 8- *Literaturnyj vecher. [Sb. rasskazov i stihov v pamjat' V. V. Passeka]* (1844). Moskva : Tip. S. Selivanovskogo.
- 9- Polonskij Jakov (1844). *Gammy: Stihotvorenija Ja. P. Polonskogo*. Moskva : tip. N. Stepanova.
- 10- Polonskij Jakov (1896). *Polnoe sobranie stihotvorenij Ja. P. Polonskogo. Prosmotrennoe avtorom: v 5 t.*, Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo A. F. Marksa.
- 11- Polonskij Jakov (1846). *Stihotvorenija 1845 goda*. Odessa : tipografija A. Brauna.
- 12- Silant'ev Igor' (2012). *Liricheskij motivnyj kompleks* // Sjužetno-motivnye komplekсы russkoj literatury: monografija, Novosibirsk : Akadem. izd-vo «Geo», s. 106–114.
- 13- Solov'ev Vladimir (1898). *Poezija Ja. P. Polonskogo* // Literaturnaja kritika, Moskva : Sovremennik, 1990, s. 155–177.
- 14- *Sjužetno-motivnye komplekсы russkoj literatury: monografija* (2012). Novosibirsk : Akademicheskoe izdatel'stvo «Geo», 2012.
- 15- Fedoseeva Tat'jana (2019). *Ja. P. Polonskij kak predshestvennik russkogo simbolizma: pojetika liricheskogo cikla («Sny» Polonskogo i «Zhizn' moego prijatelja» Bloka)* // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica, 2019, № 12, s. 65–79.
- 16- Fofanov Konstantin (1892). *Teni i tajny: Stihotvorenija Konstantina Fofanova*, Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo M. V. Popova.
- 17- Fukson Leonid (2008). *Cennostnaja struktura* // Pojetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponjatij, Moskva : Intrada, s. 290–292.
- 18- Jepshtejn Mihail (1990). *«Priroda, mir, tajnik vselennoj...»*. Sistema pejzaznyh obrazov v ruskoj poezii, Moskva : Vysshaja shkola.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Fedoseeva, Tatiana Vasilyevna (2022). VALUE CONTENT OF THE COMPLEX OF MOTIVES OF DAWN AND DUSK IN YA. POLONSKY'S LYRICS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 10(2), 135–155.

DOI: 10.61186/iarll.20.135

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/237>

مفاهیم ارزشی موتیو «زاریا» (سپیده دم و غروب) در اشعار یا.پ. پالونسکی

تاتیانا واسیلیونا فدوسیوا^{*1}

استاد، دانشگاه دولتی س.آ. یسنین ریزان،
ریزان، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن 2022، تاریخ پذیرش: اوت 2022)

چکیده

مقاله حاضر به تحلیل آثار غنایی یا.پ. پالونسکی از دریچه رویکرد ارزشی که از نظر موضوع با موتیو سپیده دم و غروب پیوند خورده است و بررسی آثار دوره های جوانی، میان سالی و بزرگ سالی شاعر می پردازد. در بررسی تطبیقی برخی از متون منتخب این شاعر تقابل های معنایی - ارزشی شناسایی شدند که نمایی از جهان را که نویسنده به تصویر کشیده شکل می دهد. نتایج حاصل از پژوهش به ما نشان می دهد که مجموعه موتیو «زاریا» (سپیده دم و غروب) در دنیای شعری نویسنده مفاهیم ارزشی پیدا می کند. نمودار تغییر نگرش های ارزشی نویسنده مشخص می شود. در نخستین اشعار دوره جوانی، ارزش های زندگی شاعر به گروهی از ارزش های رمانتیک محدود می شود: «جوان، آزادی، عشق، شادی، نور». در دوره میان سالی، شاعر به دنبال ارزش های معنوی در زندگی است. سپیده دم و غروب در این دوره از اشعار وی در خدمت ابراز احساس ناامیدی در جامعه (محو شدن نور روز) و امید به رهایی جامعه از ارزش های نادرست (روشنگری) است. در اشعار غنایی مربوط به دوره بزرگ سالی، موتیو سپیده دم و غروب به ارزش تجدید معنوی بشر مطابق با آموزه های انجیل مبدل می گردد.

واژگان کلیدی: یا.پ. پالونسکی، اشعار غنایی، موتیو «زاریا» (سپیده دم و غروب)، معناشناسی، نقش و عملکرد، مفاهیم ارزشی.

1. E-mail: t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru, ORCID ID: 0000-0002-5540-5051

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی